

**ЛУЧШИЕ ДЕТСКИЕ КНИГИ МИРА
ДЛЯ ДЕВОЧЕК**

**Френсис Бёрнет. Таинственный
сад**

**Элинор Портер. Поллианна
Люси Мод Монтгомери. Энн из
Зелёных крыш**

**Льюис Кэрролл. Алиса в стране
чудес**

**Марджери Уильямс. Плюшевый
кролик**

**Антуан де Сент-Экзюпери.
Маленький принц**

**Александр Грин. Алые паруса
Джек Лондон. Белый клык**

Фрэнсис Бёрнетт

ТАИНСТВЕННЫЙ САД

Глава I. НЕ ОСТАЛОСЬ НИКОГО

Когда Мэри Леннокс привезли в Йоркшир, в поместье ее дяди Миссельтвейт, все говорили, что она — самый несимпатичный ребенок, какого только кому-нибудь доводилось видеть. И это было правдой. У нее было маленькое худенькое личико и маленькая худенькая фигурка, светлые редкие волосы и неизменно кислое выражение лица. У нее были желтые волосы, так же, как и лицо, потому что Мэри родилась в Индии и постоянно чем-нибудь болела. Ее отец был чиновником колониальной администрации, вечно занятый и тоже больной, а мать, которая славилась красотой, интересовалась только развлечениями и любила окружать себя веселыми молодыми людьми. Ее вообще не интересовала маленькая девочка — когда Мэри родилась, малышку отдали няне по имени Айя, которая поняла, что если хочет доставить удовольствие белой госпоже, то должна держать ребенка подальше от нее. Поэтому когда Мэри была болезненным, капризным, безобразным младенцем, ее уносили подальше, и когда она стала болезненной, раздражительной, некрасивой

девочкой, ее опять уводили подальше. Она никогда не помнила, чтобы вокруг нее были какие-то другие лица, кроме темного лица Айи и других индийских слуг, и поскольку они всегда высказывали ей свое почтение и разрешали делать все, что она пожелает, потому что ее вопли могли рассердить белую госпожу, в свои шесть лет Мэри была самым деспотичным и эгоистичным поросенком, какой жил когда-нибудь на земле. Молодая гувернантка-англичанка, которая должна была научить ее читать и писать, через три месяца сдалась и отказалась от своей должности, а следующие гувернантки выдерживали еще меньше. Так что если бы Мэри не захотелось вдруг научиться читать книги, она бы, наверное, так никогда и не выучила буквы.

В одно ужасно жаркое утро, когда ей было уже лет девять, она проснулась очень злая, а ее настроение испортилось еще больше, когда она увидела, что служанка, которая стоит у кровати — это не ее Айя.

— Ты зачем пришла? — сказала она незнакомой женщине. — Я не разрешаю тебе здесь оставаться. Пришли ко мне мою Айю!

Женщина испуганно взглянула на Мэри и пробормотала, что Айя прийти не может, а когда Мэри впала в ярость и начала бить и щипать ее, она только смотрела на нее все более испуганно и

повторяла, что Айя никак не может прийти к госпоже.

В это утро в воздухе ощущалось что-то зловещее. Был нарушен обычный порядок, нескольких слуг не было на месте, а те, кого увидела Мэри, крались или убегали с бледными, испуганными лицами. Но никто не сказал ей ни слова, и Айя все не приходила. Мэри по-прежнему была предоставлена сама себе и начала играть под деревом возле веранды. Она воображала, что делает клумбы, и втыкала большие красные цветы гибискуса в маленькие кучки земли, при этом злость ее все усиливалась, и девочка бормотала себе под нос все, что скажет няне, когда та вернется.

— Свинья! Свинья! Свинячья дочь! — говорила она, потому что для индийцев это — самое страшное оскорбление.

Она скрипела зубами от злости и повторяла одно и то же, когда вдруг услышала, что ее мама вышла с кем-то на веранду. Это был молодой блондин, они стояли и разговаривали странными приглушенными голосами. Мэри знала этого молодого блондина, который выглядел, как мальчик. Она слышала, что это был очень молодой офицер, который недавно приехал из Англии. Девочка внимательно смотрела на него, но еще внимательней — на маму. Мэри всегда

приглядывалась к ней, при каждом удобном случае, потому что Мэм Сахиб (белая госпожа) — так чаще всего Мэри в мыслях называла свою маму — была высокой, стройной, красивой и носила очень красивые платья. Ее волосы напоминали волнистый шелк, у нее был задорный маленький носик и большие смеющиеся глаза. Все ее платья были тонкие и пышные, а Мэри говорила, что на них «полно кружев». Этим утром на платье «белой госпожи» было еще больше кружев, чем обычно, но ее глаза совсем не смеялись. Они были широко распахнуты, она смотрела на молодого офицера.

— Неужели все так плохо? В самом деле? — услышала Мэри ее слова.

— Ужасно, — дрожащим голосом ответил молодой человек. — Ужасно, миссис Леннокс. Вы должны были уехать в горы две недели тому назад.

«Белая госпожа» заломила руки.

— Ах, я знаю, что должна была уехать, — всхлипнула она. — Я осталась только из-за этого дурацкого приема. Какая же я была глупая!

В этот момент со стороны хижин для слуг донеслись такие горестные причитания и крики, что она схватилась за плечо молодого офицера, а Мэри стояла, дрожа с головы до ног. Крики становились все громче и громче.

— Что это? Что это? — испуганно шептала миссис Леннокс.

— Опять кто-то умер, — ответил молодой офицер. — Вы не говорили мне, что среди ваших слуг тоже есть больные.

— Я не знала! — вскрикнула Мэм Сахиб. — Пойдем со мной, пойдем! — она повернулась и убежала в дом.

Потом случилось ужасное, и Мэри стало понятно, почему это утро было такое зловещее и странное. Вспыхнула холера в самой тяжелой форме, и люди умирали, словно мухи. Ая заболела, и ночью ее забрали, а крики в хижинах слуг раздались как раз тогда, когда она умерла. До начала следующего дня умерли еще трое слуг, а остальные в ужасе разбежались. Паника охватила всех, и люди умирали в каждом доме.

Во время замешательства и переполоха на следующий день Мэри спряталась в детской комнате, и все о ней позабыли. Никто о ней не думал, никто ее не искал, а тем временем происходили странные и страшные вещи, о которых она ничего не знала. На протяжении этих часов Мэри то плакала, то спала. Ей было известно только, что люди болели и были слышны какие-то таинственные и страшные звуки. Девочка прокралась в столовую и никого там не застала, хотя на столе еще стояли блюда с остатками еды, а стулья и тарелки выглядели так, словно их поспешно отодвинули, когда обедающие вдруг

стали по какой-то причине убегать. Она съела немного фруктов и бисквитов, а поскольку ее мучила жажда, выпила целый стакан вина. Вино было сладкое, и девочка не знала, какое оно крепкое. Очень быстро она почувствовала себя сонной, вернулась в детскую и опять заперлась, испуганная криками и топотом убегающих людей. От вина она почувствовала, что ее охватила непреодолимая усталость, легла в свою кровать и надолго утратила способность понимать, что происходит вокруг.

За это время много чего произошло, но Мэри

спала таким глубоким сном, что ее не смогли разбудить ни крики людей, ни шум.

Когда Мэри проснулась, то долго лежала и смотрела в стену. В доме было совсем тихо. Она и не знала, что может быть так тихо. Девочка не слышала ничьих голосов и шагов, и подумала, что все уже выздоровели от холеры, и угроза миновала. Она думала о том, кто будет заботиться о ней теперь, когда Айя умерла. Наверное, будет какая-то новая Айя, и, может быть, она знает новые сказки. Старые сказки, пожалуй, даже надоели Мэри. Она совсем не плакала по своей умершей няне. Мэри не была нежным ребенком и никогда ни о ком не заботилась. Шум, крики и беготня из-за холеры напугали ее, но сейчас она была только разозленной из-за того, что, казалось, никто не помнил о ее существовании. Все были слишком напуганы, чтобы думать о маленькой девочке, которую никто не любил. Когда вспыхнула страшная болезнь, каждый думал только о себе. Но сейчас, когда все опять в порядке, наверное, кто-нибудь придет посмотреть, что происходит с Мэри.

Однако никто не появился, и когда она лежала в ожидании, в доме, казалось, становилось все тише и тише. Вдруг Мэри услышала, как что-то ползет, и когда посмотрела вниз, то увидела маленькую змейку, которая двигалась вдоль стены и смотрела на девочку глазами, блестящими, как драгоценные

камни. Мэри совсем не испугалась, потому что знала: это безобидное создание не причинит ей никакого вреда. Казалось, змейка спешит как можно скорее покинуть комнату. Она проскользнула в щель под дверью.

— Как странно и как тихо, — сказала Мэри. — Кажется, что кроме меня и змейки в доме никого нет.

Но в ту же минуту она услышала шаги сначала в саду, а потом на веранде. Это были мужские шаги — несколько мужчин вошли в дом и разговаривали приглушенными голосами. Никто не вышел им навстречу, и никто не заговорил с ними, а они, судя по звукам, открывали одну дверь за другой и заглядывали во все комнаты.

— Как здесь пусто! — услышала Мэри. — Такая красивая, очаровательная женщина! Думаю, что и ребенок тоже. Я слышал, у нее был ребенок, хотя его никто никогда не видел.

Мэри стояла посредине своей комнаты, когда через несколько минут дверь открылась. Девочка выглядела такой некрасивой, сердитой, и при этом дрожала от голода и возмущения, что о ней забыли. Первым вошел старший офицер, которого Мэри когда-то видела со своим отцом. Он выглядел усталым и озабоченным, но когда увидел ее, так изумился, что почти отпрыгнул назад.

— Барни! — крикнул офицер. — Здесь

ребенок! Брошенный ребенок! В таком месте! Кто же это?

— Я — Мэри Леннокс, — сказала девочка, гордо выпрямившись. При этом она подумала, что этот человек очень груб, называя дом ее отца «таким местом». — Я уснула, когда все заболели холерой, и только сейчас проснулась. Почему никто не приходит?

— Это — тот ребенок, которого никто никогда не видел! — воскликнул офицер, обернувшись к своим спутникам. — О ней все забыли!

— Почему обо мне забыли? — закричала Мэри, топая ногами. — Почему никто не приходит?

Молодой человек, которого называли Барни, взглянул на нее с огромной грустью. Мэри даже показалось, что у него в глазах показались слезы.

— Бедная малышка! — сказал он. — В живых не осталось никого, некому придти.

Таким странным и неожиданным образом Мэри узнала, что у нее теперь нет ни отца, ни мамы, потому что они умерли. Их похоронили ночью, а немногочисленные слуги-индийцы, которым удалось избежать смерти, покинули дом так быстро, как только могли, забыв о «маленькой Мэм Сахиб».

Вот почему было так тихо. Во всем доме в живых остались только Мэри и маленькая быстрая